

№ 410 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

ИОАННИКИЙ (не) ВЕЛИКИЙ

Сегодня Церковь отмечает день памяти преподобного Иоанникия Великого – святого 8-го столетия. Жизнь его, по большей части, связана с аскезой – без особых приключений. Солдат армии императора Льва 4-го, потом монастырь, после которого – уход в пустыню и около 70-ти лет подвигов в посте и молитве у Котурийской горы.

Гораздо отчётливее фигура современного нам тезки святого – Иоанникия архиепископа Луганского и Алчевского.

О.Иоанн: Отца Иоанникия Кобзева хорошо помню по Одесской Духовной семинарии, в которую я поступил в 1979-м, где он изредка преподавал литургику, будучи экономом – завхозом по-нашему. Ничего плохого говорить ни о нём, ни о других представителях тамошнего коллектива не хочется, хотя бы из чувств глубокой ностальгии – когда тебе 19, 20, 23 года – и хлеб вкуснее, и трава зеленее, и девушки приветливее, и преподаватели, даже вредные, кажутся родимыми.

Тем боле – Одесса тех лет. Это обстоятельство вряд ли понятно тем, кто не жил в этом городе. Особый колорит, особый стиль межлюдских взаимоотношений. В первую очередь, я отметил бы умение ругаться. В Одессе бранятся ничуть не меньше, чем где бы то ни было. Но в брани одесской, как правило, нет злобы. Она какая-то ласковая. Нет, текст ругательств может быть ужасным, но произносится он обычно без жёлчи, иногда даже, любя. Например, тогдашний наш инспектор – архимандрит Палладий Шиман (ныне епископ Читинский и Забайкальский), всякий раз, входя в трапезную во время принятия пищи семинаристами, вместо: «Приятного аппетита!» или «Ангела за трапезой!», начинал свой спич доброжелательным обращением – «Сффолочи!!!» Ну и далее объяснял – почему мы относимся к таковым.

Так вот весьма странная фишка в том, что – не обидно было – абсолютно. Даже аппетит разыгрывался, семинаристы изо всех сил пытались сохранить серьёзные выражения лиц.

А у тогдашнего ещё иеромонаха Иоанникия было обыкновение своих помощников по хозяйству нежно называть дурачками. Почему так? – поясню.

Наёмных рабочих рук остро не хватало, как в семинарии, так и в соседствующем Успен-

ском монастыре (по ул. Амундсена ныне – Дача Ковалевского). И поэтому издавна сложилось не очень хорошее обыкновение учащихся снимать с богословских занятий. Выглядело это следующим образом. Звенел звонок на урок, в классной аудитории после перерыва собирались студенты, входил преподаватель, стоя пели молитву «Царю Небесный...», усаживались – пофамильная переключка, ну и, затаив дыхание, ребята про себя произносили краткую молитву: «Пронеси, Господи!» – т.е., кого-то сейчас должны будут вызвать к доске для истязаний. (Семинария, как известно, заведение среднее, не высшее – схема обучения школьная – каждое занятие – «к барьеру!»). И тут обычно приоткрывалась дверь со стороны коридора, и в щели появлялся благочестивый образ нашего эконома, сопровождаемый любезнейшим приветствием: «дурачки, на выход!». Тревожные лица «дурачков» расплывались в блаженной улыбке, и по всему телу пробегала волна блаженного успокоения. В основном это были ребята из сёл, с детства приученные к земельным и животноводческим трудам, а вот разбирать догмат о Боговоплощении для них было напряжно. Их буквально ветром сдувало из-за учебных столов, кое-кто, приостановившись в проходе, мог показать нам, оставшимся на занятиях, средний палец – дескать, отдувайтесь без нас – и следовали за своим «спасителем». Каждый раз им предстояла работа (послушанием именовавшаяся), исходя из потребности – прополоть клумбу, перетащить мебель, покрасить забор и много чего прочего. Иногда наш эконом направлял «дурачков» в монастырь – там были виноградники и свиарник. С виноградом работы – всего ничего, а вот со свиньями – там всё по-взрослому, но для деревенских парней, соскучившихся по запаху свежего навоза – это было, наверное, в радость.

Был у Иоанникия и «первый зам», так сказать – преданный молдаванин семинарист Василий. Экономом его уважал и любил, а, поскольку мобильников тогда не было, частенько можно было слышать оклики нашего иеромонаха: Вася! Вася! Ну, где же ты, Вася! – Тут я, тут! – откликнулся молдаванин, выходя, скажем, из складского помещения. – Не туй, ты, Вася, а х-й, – весело констатировало его высокопреподобие.

К чему весь этот рассказ, который у кого-то вызовет улыбку, а кого-то смутит – дескать, вот это да!!! Вот это – духовная школа! Ай-ай-ай!!!

Понимаете, **есть** на самом деле здесь важный для нас морально-этический подтекст. Дело в том, что по окончании **Одесской** духовной семинарии я поступил на учёбу в **Ленинградскую** духовную академию, и конечно, был поражён высочайшей культурой профессорско-преподавательского состава сего заведения. К студентам отношение подчёркнуто учтивое – только на «вы» и предельно вежливым тоном.

Тамошний инспектор, отец Георгий Тельпис (Царство ему Небесное), был просто эталоном культуры и обходительности. Однако за этими жестами глубокого уважения ощущалась свинцовая тяжесть властности и выскомерия. При столкновении с ним ощущался как бы озноб, и шерсть дыбилась на спине.

Не возникало никакого сомнения – захочет, в порошок сотрёт или на перекладине вздрёт, но с учтивой улыбкой Симона Петлюры, мол, «прошу пана до гилляки!»

Да, так вот насчёт морали. Критерием человеческих взаимоотношений является не столько самим текстом произносимое, сколь состояние души говорящего – его чувства, настроение – доброта или злоба. Ведь можно назвать человека дураком, но настолько нежно и любя, что человек на третьем небе окажется от такого, казалось, оскорбления.

Или собакой – Христос хананеянку так назвал. Но она почему-то не обиделась, наоборот подыграла Иисусу в этом словесном выпад. Тоже, скорее всего, потому, что обидные, оскорбительные слова были произнесены Иисусом с такой нежностью и любовью, что обидеться было просто невозможно.

ЗАКОН И СВОБОДА ВО ХРИСТЕ

Итак, Ветхозаветные установления и в частности Декалог для христиан являются анахронизмом. Имеется в виду – для настоящих христиан. Таковых не надо предупреждать, мол, смотри, не обворуй своего ближнего! И соседа не смей убивать. В постель жены своего друга не лезь, не клеветь на человека, своим папе и маме не дай умереть с голоду, без лекарств и крыши над головой. Собственно, сие оскорбительно звучит не только для церковника, но и для порядочного безбожника, который всё же впитал в свои плоть и кровь христианские ценности.

Однако мир не чёрно-белый. Между «установниками» и «совестниками» богатый спектр промежуточных уровней. Вот он, вроде ещё не обладатель мудрой сознательности, но далеко не глуп, и совесть у него всё же наличествует. Для таковых Декалог оканчивается неплохой подпоркой, вспомоществованием в решении различных моральных вопросов. Но в таком случае заповеди Декалога воспринимаются не в грубо фигуральном виде, а в утончённом, в расширительном содержании.

Ну вот, к примеру: «Не кради!» Чай, воровать, шаря по карманам ближних, мало кто из нас охоч. Но вот уворовать время – пообещать, и не выполнить – для большинства нашего брата – будьте покойны!

И вот как раз в расширенном толковании, даже эти десять заповедей начинают выглядеть так, что ни один человек не сможет сказать, что исполнил их все полноценно. Т.е. любая заповедь может быть доведена до своего внутреннего предела, который будет обозначать едва ли не преддверие Нового заветного Откровения.

Но давайте по порядку.
Заповедь Первая. «Я Господь Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской и из дома рабства. Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Исх. 20, 2). С одной стороны, понятно: «да не будет у тебя других богов». Но ведь есть ещё и вот это: «Я Господь Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства». Действительно, хорошо бы нам помнить постоянно, что всем, что у нас есть, мы обязаны Богу, и чтобы эта память наполняла всяческое действие, всякую инициативу, всякое желание. И осознавать, что ты свободен, ты не в земле Египетской, и ты обязан этой свободой своей правильно распорядиться. И уже здесь не минимум, это уже не порог, тут так легко не вычислишь, где ты чего преступил. Зато всегда есть возможность взглянуть на себя попристальнее: мол, вот в одной какой-то сфере я худо-бедно стараюсь, чтобы она была открыта Богу, в другой – так-сяк, а во всём остальном жизненном пространстве Господу Богу места точно нет. Словно бы из Египта я и не выходил. На самом деле я очень во многих вещах в рабстве. То есть, подумать есть о чём.

Возьмем **Вторую заповедь:** «Не делай себе кумира, никакого изображения того, что в небе, наверху, и того, что на земле, внизу, и того, что в море... не поклоняйся им и не служи им». Тоже – есть

совершенно элементарное изложение этого повеления. В условиях древнего Израиля – что там было, вспомним. Годы выпали неурожайные и люди начали возмущаться – как же это наш великий Бог мог такое допустить, чтобы Его народ голодал? Ситуация, надо сказать, очень непростая – разве легко в данных обстоятельствах сохранится верность Господу? Особенно когда кушать хочется, а ничего – ты в пустыне, где ничего нет. Таки плохо. Что же делать? Надеяться на Бога, молиться? Дескать, Бог не оставит?! Задним числом так можно умствовать. Только ведь кушать хочется сейчас, сию секунду, а не послезавтра! Терпеть и надеяться? Не очень-то получается. Вот тут и начинается: а если сделать, как финикийцы в такой ситуации – попросить этого, как его, Молоха, или кого другого, им же оно помогает иногда? Может, и нам поможет. Нашего Бога мы, конечно, нежно любим, но кушать-то хочется!

Ну, это ситуация израильтян. А в нашей с Вами жизни разве так не бывает, что появляются какие-то устойчивые кумиры? Не будем опускаться до банальных примеров, вроде звёзд эстрады, но есть множество каких-то пустых занятий, которым человек регулярно отдаёт громадную часть своего времени или эмоций. Например, соцсети, компьютерные игры, пристрастие к политическим телешоу, безумное боление за футбольную команду безудержная болтовня по телефону, и много чего прочего.

Таких кумиров на самом деле в жизни – масса. От отчётливо видимых до весьма тонких. И у всех у них одно свойство – они заслоняют собой истину, уже хотя бы потому, что мозолят глаза. Люди сами позволяют мозолить себе глаза.

Даже форма богослужения может стать кумиром. Ну вот, например, славянский язык. Ну не понимает, дескать, Господь никаких других языков, кроме церковно-славянского. И во что бы то ни стало в большинстве храмов служба идёт именно на «сакральном». И неважно, что большинство людей ничего не разумеют, главное, что язык, мол, «священный». Правда, при святителях Кирилле и Мефодии думали по-другому: считалось, что «священных» языков только три – еврейский, греческий и латинский. А славянский числился в списках варварских языков – трёхязычная ересь тогда была распространена в Церкви. И у просветителей Кирилла и Мефодия были очень крупные неприятности – их даже жизни хотели лишить за то, что те постмели со «священного» греческого языка переводить Священное Писание и Богослужебные тексты на «варварский» славянский.

В православии полно таких кумиров. Например, один из таких кумиров – святые отцы. Причём, именно во множественном числе и без имён. Замечательный кумир – «учение святых отцов». Учения нет такого, просто не может быть по определению, но кумир такой – есть. И «святые места» тоже могут стать кумиром, естественно, да и что угодно.

Брак – тоже замечательный кумир. Священникам частенько претензии предъявляются, именно претензии, и от женщин, и от мужчин. Например, со стороны женщины: «Почему мне Господь мужа не даёт?». Или со стороны мужчины, вполне реальная претензия к священнику: «Ты мне что обещал? Что если на Бога возложить свои проблемы, то они со временем разрешаются! Вот я все свои проблемы возложил на Бога, именно как ты мне и говорил! И что же? Уже три года в Церкви, а всё сию холостым!». Довольно часто можно встретить христиан обоих полов, которые совершенно уверены, что человек одинокий, не имеющий семьи, будь то мужчина или женщина – неполноценный. Потому что главное счастье для женщины – родить чадо. То есть никто не оспаривает, что это большое счастье, радость выдающаяся, но когда это заносится в категорию полноценности-неполноценности, тогда уже нарушается другая заповедь. Потому что на самом деле слова эти весьма греховны.

Также не менее культовые – «творчество», «искусство», «наука»... в общем, им несть числа. Из всего этого люди тоже могут сотворить кумира. Красота также порой становится кумиром, к слову говоря. Особенно внешняя. И ещё много, много чего. И одним обращением ко Христу, естественно, эти все кумиры как-то не изживаются.

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным